

18. Протоиерей Алексей Уминский. Божественная Литургия. Объяснение смысла, значения, содержания: Херувимская песнь. URL: [http:// pravoslavie.by](http://pravoslavie.by) Херувимская песнь (дата обращения 20 апреля 2016).

19. Разумова И.А., Барабанова Л.А. Ситуация погребения и похоронный ритуал с точки зрения взаимодействия социальных институтов // Труды Кольского научного центра РАН. Серия Гуманитарные исследования. 2012. №1 (12). Вып 3. С. 42–60.

20. Редько Я.П. Поэтика цикла «Избанные песни» Н. Клюева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1997. URL: [http:// www.cheloveknauka.com/poetika-tsikla-izbyanye...klyueva](http://www.cheloveknauka.com/poetika-tsikla-izbyanye...klyueva) (дата обращения 20 апреля 2016.)

References

1. Bazanov V.G. *S rodnogo berega: O poesii Nikolaia Kl'ueva* [On native shores: the poetry of Nikolai Klyuev]. Leningrad, 1990. 241 p.

2. Baiburin A.K. *Ritual v tradicionnoi kulture: strukturalno-semanticheskii analiz vostochno-slavianskykh obryadov* [The ritual in traditional culture: the structural-semantic analysis of East Slavic ceremonies]. St. Petersburg, 1990. 240 p.

3. Berdiaeva O.S. *Nravstvennaia problematika i esteticheskoe svoeobrazie tsikla N.A. Klyueva "Izbyanye pesni"* [Moral issues and aesthetic identity of the cycle by N.A. Klyuev "Songs of the Izba"]. *Traditsii v kontekste russkoi kultury: sbornik statei i materialov*. [Tradition in the context of Russian culture: Collection of articles and materials]. Cherepovets, 1993. V. 2. pp. 106–112.

4. Garnin V.P. *Primechaniia* [Comments]. *Kliuev N.A. Serdtse edinoroga* [Klyuev N.A. "Heart of the Unicorn"]. St. Petersburg, 1999. pp.827–987.

5. Gorbatoeva E.A. *Spetsifika liricheskikh form v lirike russkikh poetov 1880-1890 godov: avtoref. cand. diss... filol. nauk* [The characteristics of the lyric forms in the poetry of Russian poets of the 1880-1890-ies. Abstract kand. filol. sci.dis]. Moscow, 1916, 18 p.

6. Kiseleva L.A. *Tsiki N.A. Klyueva "Izbyanye pesni" v tvorcheskoi biografii Esenina* [Cycle N.A. Klyuev's "Songs of the Izba" in the creative biography of Esenin]. *O, Rus' vmachni kryllami. Eseninskiy sbornik* [Oh, Rus, spread your wings. Esenin collection] Vol. 1. Moscow, 1994, pp. 95–104.

7. Kliuev N.A. *Izba i pole. Izbrannye stikhotvorenia* [Izba and field. Selected poems]. Leningrad, 1928, 107 p.

8. Kliuev N.A. *Izbyanye pesni* [Songs of the Izba]. Berlin, 1920. 30 p.

9. Kliuev N.A. *Pesoslov* [Pesnoslov]. Vol. 2. Petrograd, 1919. 256 p.

10. Kliuev N.A. *Serdtshe edinoroga. Stikhotvoreniia i poemu* [Heart of the Unicorn. Verses and poems]. St. Petersburg, 1999. 1071 p.

11. Kliuev N.A. *Slovesnoe drevo. Proza* [Verbal tree. Prose]. St. Petersburg, 2003. 685 p.

12. Kliuev N.A. *Ia slaviu Rossiiu. Avtobiograficheskaia proza* [I praise Russia: an Autobiographical prose]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary review], 1987, № 8, pp. 101–112.

13. Kremneva I.A. *Pohoronno-pominal'nye obriady u russkikh: sviaz' zhivyykh i umershykh* [The funeral rites in Russian: the relationship of the living and the dead]. *Pravoslavnaia zhizn' russkikh krestian XIX – XX vekov. Itogi etnograficheskikh issledovaniy* [Orthodox Russian peasants' life of the XIX – XX centuries. The results of ethnographic research]. Moscow, 2001, pp. 72–87.

14. Kudriachov I.V. *"O, kto poimet? uslychit Psalmov visokii lad?": motivi i obrazy pesen tzaria Davida v poezii N. A. Kliueva* [Oh, who will understand, will hear the Psalms of the high way?": motifs and images of the songs of king David in the poetry of N. Klyuev]. Available at: [http:// klyuev.org.ua/collegium/kudriachov.php](http://klyuev.org.ua/collegium/kudriachov.php)

15. Loginov K.K. *Traditsionnyi zhiznennyi tsikl russkikh Vodlozeria: obriady, obychai i konflikti* the life cycle of Traditional Russian Vodlozerie: rites, customs and conflicts. Petrozavodsk, 2010. 413 p.

16. Meksh E.B. *"Izbyanye pesni". Obraz Velikoi Materi (religiozno-mifologicheskie traditsii v epicheskom tvorchestve Nicolaya Kliueva)* [Image of the great Mother (religious and mythological traditions in the epic works of Nikolai Klyuev)]. Daugavpils, 1995, pp. 11–38.

17. *Molebniye peniya* [Prayer]. Available at: [http:// liturgiya.ru/liturgiya.ru/trebi_molebniepenia](http://liturgiya.ru/liturgiya.ru/trebi_molebniepenia) (accessed 20 April 2016).

18. Protoierey [Archpriest] Alexei Uminskii. *Bozhestvennaia Liturgia/ Obiasneniye smysla, znacheniia, soderzhanii: Kheruvimskaya pesn'* [Divine Liturgy. Explanation of the meaning, value, content: the cherubic hymn]. Available at: <http://pravoslavie.by> Херувимская песнь (accessed 02 July 2016).

19. Razumova I.A., Barabanova L.A. *Situatsiia pogrebeniia i pohoronnyi ritual s tochki zreniia vzaimeystviia sotsial'nykh institutov* [L. A. Situation of burial and funeral ritual from the point of view of interaction of social institutions]. *Trudi Kolskogo nauchnogo tsentra RAN. Seriya Gumanitarniye issledovaniia* [Proceedings of the Kola science centre of RAS. A series of Humanities research], 2012, №1 (12), Ed. 3, pp. 42–60.

20. Red'ko Ia.P. *Poetika tsikla "Izbyanye pesni" N. Kliueva: avtoref. diss... kand. filol. nauk* [Poetics of the cycle "Songs of the Izba" N. Klyuev: abstract kand. filol. sci.dis]. Barnaul, 1997. Available at: [http:// www.cheloveknauka.com/poetika-tsikla-izbyanye...klyueva](http://www.cheloveknauka.com/poetika-tsikla-izbyanye...klyueva) (accessed 20 April 2016).

УДК 81

С.А. Соловьева
Череповецкий государственный университет

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРОЗЕ БОРИСА ПАСТЕРНАКА

В статье рассматриваются синтаксические средства организации категории пространства в прозе Б. Пастернака, характеризующейся особой метафоризацией пространственно-временных отношений. Показано, что пространственная модель в прозе Пастернака имеет интерпретационный характер. Выявлена система доминирующих синтаксических средств, в центре которой оказываются безличные предложения.

Монтаж, темпоральность, континуум, темпоральная ось, перцептивная темпоральная ось.

The article deals with the syntactic means the organization of space in the prose of Boris Pasternak which is characterized by specially metaphorization of spatio-temporal relations. As a result, the dominant syntactic means with impersonal sentences in the center is detected.

Installation, temporality, continuum temporal axis, perceptual temporal axis.

Введение

В художественном произведении категория пространства является одной из важнейших. Ее роль в тексте не сводится к «простому воспроизведению тех или иных локальных характеристик», к определению места, где происходит событие, связываются сюжетные нити, перемещаются действующие лица. Являясь основой всякого человеческого знания о мире, пространственный опыт формируется в результате взаимодействия человека и мира в системе некоторых пространственных координат, где точкой отсчета является сам человек.

Цель статьи – выявить систему средств выражения пространственных отношений в малой прозе Б. Пастернака.

Художественная проза Б. Пастернака характеризуется особой метафоризацией пространственно-временных отношений, наведением новой категоризации на действительность и ее фрагменты с помощью специфической системы синтаксических средств. Пространство и время, являясь важнейшими текстовыми категориями, упорядочивают discontinuum текста. При этом основная нагрузка чаще всего лежит на физико-геометрических характеристиках, которые реализуются через сетку пространственных координат. Важным является то, что конкретизация пространственно-временных отношений сопряжена с указанием на субъект, который «там» соотносит с собой и испытывает выражаемые состояния.

Основная часть

Восприятие любого события, его концептуализация и представление в языке во многом определяется пространственной характеристикой. Роль говорящего при этом является важнейшим фактором, так как именно он ограничивает события и выделяет те или иные ориентиры в пространстве деятеля или наблюдателя. Стабильность пространственного моделирования обеспечивается исходной семантикой и формой используемого глагола, в которой содержится определенная программа языковой интерпретации события в виде обязательных и факультативных валентностей: тот или иной тип субъекта, объекта, возможность тех или иных собственно пространственных временных или качественных характеристик события. Изменчивость пространственного моделирования обусловлена изменением позиции наблюдателя или его внутреннего мира, мира окружающих его событий, включая собеседника и третье лицо. Введение элементов пространства наблюдателя может уточнить специфику восприятия того или иного события и, как следствие, его концептуализацию и соответствующую языковую интерпретацию: как действия, процесса, свойства.

Пространство у Пастернака отражает интерпретацию события с точки зрения одного из трех про-

странств (говорящего, слушающего или третьего лица) в виде соответствующей ориентации относительно деятеля или наблюдателя. Ориентация высказывания относительно говорящего субъекта происходит за счет включения говорящего в зону внимания (говорящий – участник, но не исполнитель, а наблюдатель). В этом случае в структуру высказывания включается экспериенсер, под которым понимается сам говорящий. В синтаксической структуре высказывания этот элемент не представлен или представлен имплицитно. Событийное пространство при этом претерпевает определенные трансформации. Вектор высказывания направлен не от источника события, а от того элемента, который находится в зоне внимания говорящего. При этом высказывание приобретает исключительно интерпретационный характер. Особая роль в этом процессе отводится безличным конструкциям и их синтаксическим синонимам [2, с. 212].

Именно с этой позиции мы и попытаемся рассмотреть некоторые синтаксические средства пространственной организации повести Б. Пастернака «Повесть».

В начале 1916 года Сережа приехал к Сестре в Соликамск.

Вот уже десять лет передо мной носят разрозненные части этой повести, и в начале революции кое-что попало в печать. Но читателю придется забыть об этих версиях, а то он запутается в том, кому из лиц какая, в окончательном розыгрыше досталась доля... [7, с. 140].

Это одна из немногих пространственно-временных координат, которые встречаются в тексте и образуют формальную локально-темпоральную рамку текста.

Исследователями не раз отмечалось, что русский язык отличается представлением действия как самодовлеющего, независимого от человека события. «Человек не создает события – он в него вовлечен. Событие – это самодовлеющий этап течения жизни, а не акт деятельности. Оно творится личностями, но само безлично» [1, с. 806].

Склонность языка к пространственно-событийному представлению ситуации реализуется в системе безличности, пассивности, возвратности и неопределенности. Проблеме безличности в русском языке посвящена обширная литература (работы В.А. Классовского 1870, А.А. Потебни, Галкиной-Федорук 1958, Г.А. Золотовой 1973, Н.Ю. Шведовой 1964, Храковского 1991 и др.). Внимание к безличным предложениям обусловлено не только тем, что в них «мысль сосредоточена на самом процессе» [6, с. 321] и источник действия неизвестен и не может быть определен, что в целостном тексте практически невозможно. В некоторых безличных предложениях «источник» действия лишь выводится формой безличного предложения из «поля зрения» в некоторой

точке повествования, но совершенно ясен из обрисованной контекстом ситуации. Он может быть представлен как некоторая таинственная, стихийная и даже мифическая сила, не имеющая определенного имени [4, с. 15]. Выделяется три признака, формирующих семантику безличности: неактивность субъекта, независимость действия или состояния, неопределенность выражаемой ситуации. Неактивность субъекта предполагает отстранение от действия и связана с его ненамеренностью. Неопределенность создает неизвестность, неосознанность, нереальность, стихийность [8, с. 15].

«Случилось так, что лето подобралось четырнадцатого года, и это обстоятельство нарушило все расчеты... На лето нельзя было глядеть, а приходилось думать, переносясь от воспоминания к воспоминанию» [7, с. 146]. Страдательная конструкция, безличность, возвратность и неодушевленное существительное в роли субъекта действия рождает грамматическую метафору – «поле напряжения», где происходит сдвиг в направлении депассивизации грамматического значения глагола за счет исключения из комплекса синтактико-семантических отношений, свойственных структуре пассива, некоторых звеньев (позиция Тв. п.). Действие депассивизируется с двух сторон, как отвлечение от агенса, так и отрицанием объектного содержания формально объектно выраженной валентности, валентности на пропозицию, которая совмещала бы в себе семантическую роль объекта с «поверхностным» подлежащим значением предмета, испытывающего предиктируемое ему сказуемым состояние, заключающееся в том, что этот предмет подвергается какому-либо действию [4, с. 613]. Действие представлено как совершающееся само собой, стихийно. Семантика состояния преобладает.

В тексте повести семантика неопределенности, неизвестности, неосознанности создается не только безличными предложениями, но и другими семантически близкими структурами.

Темнело, подморазживало, в кухню подавали воду. Приходили дети, на них ищали. Временами извне к дверям подкрадывалась Наташа. Но Сереже не спалось, он только притворялся спящим. За стеной, на стороне, всем домом перебирались из сумерек в вечер. Под вещевою дубинушку полов и ведер Сережа думал, как все будет неузнаваемо при огне, в конце передвиженья.... А предвкушаемая новизна, уже кое в чем вызванная лампами к существованию, копошилась и погрохатывала, переходя от воплощенья к воплощенью [7, с. 146].

Создавая образ фрагмента действительности, безличное предложение особым образом определяет его семантику как *состояние*. Причем эта семантика распространяется и на неопределенно-личное предложение, входящее в состав бессоюзного. Открытость синтаксической структуры создает возможность для расширения семантики высказывания, а стало быть, и тех категорий, которые в нем актуализируются. Поэтому пространство становится бесконечным во временном отношении. В то же время характер перечислительных отношений формирует внутреннюю ритмичность повествования, сохра-

няющуюся в тексте до появления противительных отношений (союз *НО*), которые активируют перцептивный модус героя, актуализируют пространственную границу (*за стеной*) и оппозицию «здесь – там». Использование неакциональных глаголов (*притворялся спящим, думал*) в контексте безличной конструкции, занимающей инициальную позицию в предложении, приводит к тому, что граница между безличностью и неопределенно-личностью стирается и действие становится неуправляемым. Компонент среды выступает в мысли синтактико-семантически как «локализатор» того, о чем сообщает безличное предложение, и на этих правах он входит в передаваемый безличным предложением образ фрагмента действительности.

С одной стороны, возникает некий независимый образ среды, с другой, он обращен к объекту адресатного воздействия (*Но Сереже не спалось*), в результате чего состояние человека становится доминирующим. В.С. Храковский добавляет к семантике «независимости от субъекта» еще один признак: отклонение от нормы, т.е. «положение дел ... происходит либо хорошо, либо плохо, но не соответствует норме» [10, с. 177]. Ожидаемое новое пространство конструируется только в сознании героя на уровне перцептивного модуса. Оно создает почву для нового. А дальше только работа фантазии и иллюзорность.

Необходимо обратить внимание на нераспространенность инициальных безличных предложений. По мнению В.М. Павлова, предложения такого рода устанавливают особый информационный контакт между сознаниями коммуникантов, неполно опосредованный словами, потому более непосредственный, чем в тех случаях, когда означены все элементы грамматической природы предложения. Это состояния, проникающие в сферу интересов человека, – его собственные состояния [4, с. 40]. Важна в данном случае семантика противительного союза. Его семантическая зона расширяется и усиливает оппозицию «субъект – пространство». Внешняя самостоятельность этих субстанций усиливается и союзом *А*, а также семантическими рядами предикатов *не спалось, притворялся, думал – копошилась, погрохатывала...* при внешней пассивности одних и активности других. Происходит метафоризация пространства, его переосмысление через призму психологического состояния героя. Меняется субъект действия, выраженный неодушевленным отвлеченным существительным *новизна* и повторяющимися анафорически местоимениями *ОНА*. Одновременно совершается переход героя в позицию наблюдателя, описывающего нечто внешнее по отношению к себе и испытывающего его воздействие. «Она детскими голосами спрашивала... Она стаяй материнских увещаний носилась»... [7, с. 146]. Обмен ролями между акантами в какой-то степени напоминает обмен иллокутивными функциями между высказываниями. В последнем случае тоже существует грамматически детерминированная первичная грамматическая предназначенность плюс некоторый веер возможностей употребления с иными иллокуциями [3, с. 114]. Таким образом, когда вектор высказывания отражает

изменение интенции в языковой интерпретации события, пространственное моделирование высказывания ориентировано относительно наблюдателя, говорящего субъекта [2, с. 212].

По существу происходит перенос фокуса внимания с одного участника на другого. Этот процесс может иметь специальное выражение – с помощью синтаксической конструкции. Именно к этому сводится семантика диатетических сдвигов и расщеплений, которую было предложено толковать как смещение фокуса внимания, а следовательно, как метонимический сдвиг [5, с. 215–225].

Состояние сна, дремоты приводит к пассивизации героя, следствием чего является преобладание в тексте пассивных и семантически близких им конструкций. Желательная модальность сменяется ни от кого не зависящей случайностью. *«Случилось так, что лето подобралось четырнадцатого года, и это обстоятельство нарушило все расчеты»* [7, с. 140]. Возникающее пространство сна – пространство памяти и одновременно это состояние неясности сознания, нечеткости изображаемого, недоговоренности. *«Ему снилось что-то бесформенное и такое, что и сейчас голову ломит»* [7, с. 182]. Формально эта часть повествования занимает больший объем произведения. Состояние сна естественным образом погружено в пространство сумерек, охватывающее художественное пространство повести в целом и реализующееся в кольцевой структуре. *«Было уже поздно, и детей обещали показать в кроватках. Вообще вся комната точно плавала в коньяке. От освещенья ли это или от подбора мебели, но казалось, будто и полы натерты не воском, а канифолью»*... [7, с. 183]. Сумерки влекут за собой вялость, сонливость действий, бледность палитры и тогда только воображение остается единственной силой, способной двигать событийное время. В приводимом фрагменте формально представлены почти те же структуры, что и во фрагменте, рассмотренном ранее. Семантика состояния, заданная безличной конструкцией, здесь преобладает. Необходимо обратить внимание на изыскательную конструкцию сложноподчиненного предложения с модусной рамкой **казалось, что**. Контактное слово создает особую текстовую зону, реализуя категорию субъективной модальности. Действие представлено как совершающееся само собой, стихийно. Возникает пространственно-временная стереоскопичность.

Подобных конструкций в тексте повести довольно много. Значит и зона их текстового влияния тоже достаточно велика. Введение в их структуру Д.п. со значением субъекта создает ощущение видимой депассивизации, однако она обычно снимается. Так в приводимом примере это происходит под влиянием последующего предложения с противительной семантикой. 3-е лицо в подобных модусных рамках свидетельствует о переключении точки зрения автора в ментальную зону героя.

«Им казалось, что их бросает то в громкий шепот, то в далекий, дально надломленный крик. На самом же деле ничего подобного не совершалось и они произносили слова как надо» [7, с. 157].

В результате увеличивается разрыв между объективностью и иллюзорностью и появляется вездесущий автор, которому подвластно все.

В семантическое поле безличности попадают конструкции с неакциональными глаголами, усиливающими семантику неактивности и создающими ощущение поглощенности пространством.

«Но, вконец измотанный экзаменационными волнениями, он теперь отдыхал, то есть позволял дням и часам переставлять его, куда им вздумается. Точно кто кокнул тогда под университетом банку с вареньем из вербы, и, увязнув вместе со всем городом в горькошерстной ягоде, он отдался поколыхиванью ее тугих оловянных складок» [7, с. 149].

В данном случае принципиально важными являются пояснительные отношения между частями парцелированной конструкции, позволяющие уравнивать их семантику. А также переход субъекта действия в позицию прямого объекта и его «овеществление» и пассивизация, усиливающаяся на протяжении дальнейшего повествования в структуре безличных и неопределенно-личных предложений.

«И вот, как подмыло его в дымные номерные разговоры, так и понесло в следующие же сумерки на Басманную» [7, с. 149].

Предикаты *подмыло, понесло* не обозначают конкретной акции, а лишь оценивают ее как асоциальное неуправляемое действие, стихию. Стихийное действие превращается в движение, а оно требует пространства.

Выводы

Таким образом, особенности процесса моделирования пространственных отношений, связанных с ситуацией вовлеченности в событие, ощущение погруженности в пространство требуют использования в качестве средств организации пространственных отношений безличных синтаксических конструкций и их семантических аналогов, способных реализовывать в тексте семантику независимости действия и состояния, неактивности субъекта и неопределенности его положения.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Болдырев Н.Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании // Языки пространств. М., 2000.
3. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
4. Павлов В.М. Противоречия семантической структуры безличных предложений. СПб., 1998.
5. Падучева Е.Е. О роли метонимии в концептуальных структурах. Таруса, 1999.
6. Пастернак Б. Сочинения: в 2 т. Тула, 1993. Т. 2.
7. Петров А.В. Категории безличности в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007.
8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
9. Русская грамматика. М., 1980. Т.1.
10. Храковский В.С. Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб., 1991.

References

1. Arutiunova N.D. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow, 1999.
2. Boldyrev N.N. Otrazhenie prostranstva deiatelia i prostranstva nabludatelja v vyskazyvanii [Reflection of worker space and the space of the observer in the statement]. *Iazyki prostranstv* [Languages spaces]. Moscow, 2000.
3. Kasevich V.B. *Semantika. Sintaksis. Morfologija* [Semantics. Syntax. Morphology]. Moscow, 1988.
4. Pavlov V.M. *Protivorechiia semanticheskoi struktury bezlichnykh predlozhenii* [The contradictions of the semantic structure of impersonal sentences]. St-Peterburg, 1998.
5. Paducheva E.E. *O roli metonimii v kontseptual'nykh strukturakh* [On the role of metonymy in conceptual structures]. Tarusa, 1999.

6. Pasternak B. *Sochineniia: v 2-kh t.* [Works. 2 Vols]. Tula, 1993. T. 2.
7. Petrov A.V. *Kategorii bezlichnosti v sovremennom russkom iazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Categories impersonality in modern Russian: Abstract. Dis. ... Dr. Philology. Sciences]. Moscow, 2007.
8. Peshkovskii A.M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in a scientific light]. Moscow, 1938.
9. *Russkaia grammatika* [Russian grammar]. Moscow, 1980. T.1.
10. Khrakovskii V.S. *Passivnye konstruktii* [Passive constructions]. *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Personal'nost'* [The theory of functional grammar: personality]. Zalogovost'. SPb., 1991.

УДК 81

Е.А. Сполохова

Череповецкий государственный университет

СИНТАКСИС СЛОВ-КОНЦЕПТОВ ИСТИНА И ПРАВДА В ПОЭЗИИ В.С. ВЫСОЦКОГО

В статье дается краткий обзор особенностей синтаксиса слов-концептов «истина» и «правда» в поэтических текстах В.С. Высоцкого; рассматриваются типичные случаи словоупотребления; обобщаются результаты анализа текстового материала. Анализ материала позволяет прийти к следующим выводам: семантический объем слов-концептов обусловлен словарными значениями и теми знаниями, которые стоят за словами-концептами, дистрибуцией в конкретных текстах, ассоциативно-семантическими связями; истинностная семантика представлена большей частью словом-концептом правда и словами-показателями истинности суждения; немногочисленные случаи употребления слова-концепта истина наряду с частотным употреблением слова-концепта правда обусловлены принципиальным различием в семантике концептов, синтаксической полифункциональностью слова-концепта правда, а также стилистическими особенностями поэзии В.С. Высоцкого.

Синтаксис, семантика, слова-концепты истина и правда, поэзия В.С. Высоцкого.

The article gives a brief overview of the features of the concepts "truth" (istina) and "right" (pravda) in poetical texts of Vladimir Vysotsky. The study examines typical cases of the word usage and summarizes the results of the text analysis. The analysis of these concepts allows to make the following conclusions: the semantic volume of concepts is determined with word meanings and knowledge, which belongs to these concepts. Distribution in specific texts and associative-semantic relations at the level of textual and intertextual associations are important, too. Truth semantics in poetry of Vladimir Vysotsky is represented mostly with the concept "right" (pravda) and with indicators of the truth of judgments. A few cases of using of the concept "truth" (istina) along with frequent use of the concept "right" (pravda) are determined with the semantic difference of the concepts, syntactic polyfunctionality of the concept "right" (pravda) as well as with stylistic features of V. Vysotsky's poetry.

Syntax, semantics, concepts "truth" (istina) and "right" (pravda), V.S. Vysotsky's poetry.

Введение

Наша работа посвящена изучению синтаксиса слов-концептов «истина» и «правда» в поэтических текстах В.С. Высоцкого. Мы опираемся на определение концепта, данное авторами «Краткого словаря когнитивных терминов»¹. Концепт – это термин, служащий объяснению единиц ментальных и психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; концепт – оперативная единица всей картины мира, отраженной в человеческой психике [3, с. 90]. В текстах же мы имеем дело со словами-экспликаторами концептов, т.е. со словами-концептами. «Слово выступает <...> как тело знака для концепта или группы концептов, как носитель определенного кванта информации, закрепленного за

его оболочкой в акте наречения соответствующего объекта. Одновременно оно вызывает к жизни цепочку сколько угодно протяженных сложных ассоциаций» [3, с.103].

Основная часть

Слова-концепты «истина» и «правда» характеризуются тем, что «у каждого <...> свой синтаксис. <...> У них свой синтаксис потому, что своя семантика» [5, с. 325]. Интерес представляет сопоставление некоторых текстовых материалов, позволяющих показать сходство и различие в семантике слов-концептов «правда» и «истина». Сравним две строфы, построенные по сходным моделям: СП, где 1-й смысловой компонент содержит ментальный гл. и сущ. истинностной семантики, а 2-й компонент – ССП с союзом но – представляет собой некоторое суждение, между смысловыми частями – бессоюзная связь:

¹ Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. 416 с.